

Круглый стол «Эпистемологические и методологические вопросы современного социально-научного знания и коммуникативных исследований как его составной части»

11 ИЮЛЯ 2015 Г., НИУ ВШЭ, МОСКВА

Участники
за круглым столом:

ПЕТР ГРЕЧКО

Pyotr Grechko, РУДН, Москва,
Россия

**ВОЛЬФГАНГ
ДОНСБАХ**

Wolfgang Donsbach, Дрезденский
технологический университет,
Дрезден, Германия

УИЛЬЯМ ИДИ

William Eadie, университет Сан
Диего, Сан Диего, США

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЕДУЩЕЙ О. И. МАТЬЯШ:

Коммуникативное знание (коммуникативные исследования, коммуникативные теории, философское осмысление коммуникации как социального феномена, коммуникативные дисциплины и т. д.) сегодня уже выделилось в отдельное поле и занимает в области социально-гуманитарного знания свое, весьма заметное, место. Вместе с тем все мы, кто работает внутри этого поля и участвует в его становлении, признаем, что эта область знания отличается от так называемых классических, традиционных социально-гуманитарных наук, психологии, лингвистики или социологии. Предлагаемая вашему вниманию дискуссия — это попытка сосредоточить более пристальный взор на предмете (коммуникация как область знания), подходя к нему с философско-методологических мета-позиций. Кроме того, в наш замысел входило представить, сопоставить и, возможно, «столкнуть» точки зрения ученых, представляющих разные интеллектуальные традиции, как в дисциплинарном, так и международном плане. Участники Круглого стола — коммуникологи, философы и методологи из России, Соединенных Штатов и Германии.

Первоначально планировалось, что обсуждение будет проходить в рамках шести заранее сформулированных вопросов:

1. Методология естественных и социогуманитарных наук: что их объединяет и что различает (на примере коммуникативных исследований)?

СЕРГЕЙ КЛЯГИН

Sergey Klyagin, РГГУ, Москва, Россия

РОБЕРТ КРЕЙГ

Robert T. Craig, университет Колорадо, Боулдер, США

ВЯЧЕСЛАВ МАРАЧА

Viacheslav Maracha, РАНХиГС, Москва, Россия

МАРК РАЦ

Mark Ratz, Иерусалим, Израиль — научный фонд «Институт развития им. Г.П.Щедровицкого», Москва, Россия

Выступления из зала:

ЕЛЕНА ЖУКОВА

Elena Zhukova, РГГУ, Москва, Россия

ДМИТРИЙ РЕУТ

Dmitry Reut, МГТУ им. Баумана, Москва, Россия

ЛЮБОВЬ ЦОЙ

(Lubov Tsoi, Московская школа конфликтологии, Москва, Россия);

Модератор:

Ольга Матяш

Olga Matyash, Сиракузский университет, Сиракьюс, США — НИУ ВШЭ, Москва, Россия

2. Постмодернизм и конструктивизм/социальный конструкционизм: влияние на современную методологию коммуникативных исследований.
3. Есть ли у коммуникативных исследований «понятийные основания»? Проблема универсальных понятий и их конструирования в современной коммуникологии.
4. Роль «практической теории» и проблема истины в современных коммуникативных исследованиях.
5. Проблема диалога и сотрудничества между представителями разных методологических подходов в современных коммуникативных исследованиях: есть ли смысл договариваться?
6. Практическая значимость коммуникативных исследований: коммуникативное знание для кого и для чего?

Однако, как происходит в любой живой коммуникации, в живом разговоре, неизбежно ломающем заранее запланированную логику, развернувшееся обсуждение вышло за рамки сформулированных вопросов. В итоге получилась, на наш взгляд, острая, возбуждающая мысль дискуссия. Один из ключевых и наиболее острых ее моментов касался вопросов о науке versus практической теории, а если подходить еще шире, вопроса о том, чем собственно занимаются коммуникативные исследователи, — о производстве коммуникативного знания. Каково его назначение — зачем, для кого, и каковы критерии? Имеет ли смысл продолжать оценивать его по строго научным критериям и обозначать традиционным термином «наука»? Или пора рассматривать коммуникативные исследования, в свою очередь, тоже как одну из коммуникативных практик: как коммуникацию внутри исследовательского сообщества, направленную на то, чтобы создавать и шлифовать новые способы организации, в итоге позволяющие всем нам лучше справляться с разнообразными социальными проблемами...

В тексте представлены основные положения дискуссии. Текст подготовлен на основе видеозаписи. Выступления англоязычных авторов, первоначально прозвучавшие в оригинале, перевели на русский В.Л. Данилова, Д.В. Реут и Ю.А. Черненко. Научное редактирование текста осуществили В. Г. Марача и О. И. Матяш. Мы надеемся, что в результате читатель получит полное представление о том, какие позиции «встретились и пересеклись» в полемике и где проходила основная линия напряжения.

МЕТОДОЛОГИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ЧТО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ И ЧТО РАЗЛИЧАЕТ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)?

DIFFERENCES AND SIMILARITIES BETWEEN THE METHODOLOGY OF NATURAL SCIENCE AND SOCIAL SCIENCE AND HUMANITIES (IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION INQUIRY)

[РАЦ] Вопрос о сходстве и различии естественных и социогуманитарных наук со времен неокантианцев, т.е. уже более ста лет, не сходит с повестки дня философских дискуссий. Есть, конечно, известное сходство, но не хуже известны и различия. Здесь, помимо всего прочего, единственное слово «наука» в русском языке (в отличие, например, от английских *science, arts, studies*) мешает построению адекватной системы понятий.

Я думаю, что эти споры никогда не кончатся, если мы будем оставаться в плену дихотомии: естественные vs социогуманитарные науки. Это тот довольно распространенный случай, когда продвижение мысли требует расширения пространства мышления. Как в известных задачах со спичками, которые не решаются на плоскости, но становятся элементарными в трехмерном пространстве. Кстати, у неокантианцев уже намечались разные подходы к типологии наук. Например, В. Дильтей говорит про науки о духе и науки о природе, Г. Риккерт — про науки о культуре и науки о природе, В. Виндельбанд — о номотетических и идеографических науках. А названные пары, если вдуматься, далеко не синонимичны. Но эта линия мысли не получила дальнейшего развития, и мы продолжаем талдычить про сходство и различие естественных и социогуманитарных наук.

Давайте попробуем, имея в виду науку о коммуникации, расширить наше пространство мышления. Для начала такой вопрос можно поставить: кому нужна наука о коммуникации? Скажем, шахтеру нужно горное дело, металлургу — металлургия, фармацевту — химия; т.е. это все науки, востребуемые производственной деятельностью с косным материалом, это их объединяет. И не будем спешить объявлять их естественными: не такие уж они естественные, скорее технические. Но науки о коммуникации, об управлении или о политике — это явно из другого ряда: их какой-то иной потребитель и способ употребления объединяет? Третий век назад Г.П. Щедровицкий ответил так: подобные науки призваны обеспечивать новыми знаниями не производственную деятельность, а особые «деятельности над деятельностями». Смотрите: управленец ничего сам не производит, но без организации и управления никакое производство (тем более характерное для нашего времени — массовое) невозможно. А для управленца коммуникация — основное средство работы, и вместе с тем без научных знаний об управлении он далеко не уедет. И наука о коммуникации нужна, с этой точки зрения, для обеспечения деятельности особого типа: *организации коммуникации*. Которой приходится заниматься тем же управленцам и политикам, но еще модераторам, юристам, преподавателям и многим

другим. Мои коллеги (П. Баранов, Г. Давыдова, Л. Карнозова и др.) в своих докладах приводили целый спектр примеров такой работы.

Я думаю, эту линию мысли вы продолжите и без меня. А сухой остаток здесь намечается такой, что наряду с привычным делением на естественные и социогуманитарные науки, с практической точки зрения, необходимо выделять разные типы наук по их назначению в мире деятельности: кому и зачем нужны вырабатываемые ими знания. Методологи говорят об объектно-ориентированных науках (НИР-1) и деятельностно-ориентированных (НИР-2). И принципиально важно, что, как выясняется, это совсем не синонимы естественных и социогуманитарных наук.

Еще один сюжет. Обратите внимание, что во множестве современных научных дисциплин есть два крупных подмножества, различающихся структурой своих названий. Есть *логики* разного рода: биология, психология, социология, топология и т.д. А есть столь же разнообразные *ведения*: литературоведение, правоведение, театроведение, металловедение, машиноведение... (Не знаю, как тут быть переводчикам) И здесь еще раз подтверждается старая истина: язык умнее нас. Оказывается, *логики* по большей части имеют дело с однородными естественными объектами (точнее, они так устроены, как будто имеют дело с таковыми), а *ведения* — с принципиально разнородными. У них у всех в центре некоторый артефакт (литературное произведение, закон, спектакль, металл), а «по бокам» от него две системы деятельности: одна, в которой этот артефакт производится, и вторая — в которой он употребляется. Например, писателем и читателем или самолетостроителем и летчиком.

Теперь я вас спрошу: а как с учетом сказанного следует поименовать науку о коммуникации? *Логией* — вариант коммуникологии уже существует, — либо *ведением*? Похоже, что ответ зависит от того, будем ли мы считать коммуникацию данной нам богом (или природой) — как способность говорения, либо артефактом, продуктом нашего интеллекта, который надо каждый раз создавать (организовывать) заново и уметь им пользоваться... Многозначие обозначает здесь приглашение к дальнейшему размышлению, и, думаю, мой секционный доклад при этом может оказаться нелишним.

[ГРЕЧКО] Мы можем, и должны, различать эти науки — социально-гуманитарные и естественные, туда следует добавить еще и технические. На мой взгляд, главная задача гуманитарных и социальных наук — это *смысловое* обустройство мира. А вот главная задача естественных и технических наук — это технологическое обустройство этого мира. Это различие может быть грубым, но мы его можем смягчить, если вспомним известную формулу Маклюэна «the medium is the message». Она говорит о том, что есть сигналы вполне гуманитарные, которые идут от современных средств информации и коммуникации, и даже от техники. Мы сегодня технику называем *fine, high, and smart*. Это чисто человеческие характеристики. Так что это противопоставление (наук) — оно достаточно условное. И я всегда настаиваю на сближении, но не слиянии.

[МАТЬЯШ] Марк Владимирович зафиксировал здесь один важный принцип — рассматривать коммуникативные науки как ориентированные на деятельность. Я думаю, это весьма созвучно выступлениям наших американских коллег, где схожая идея выражалась в понятии *практико-ориентированная, или практическая теория* (practical theory). Вопрос встает, правда, подходит ли здесь термин «наука»? Стоит ли придерживаться этого обозначения? Мы можем развивать эту тему и дальше, по ходу дискуссии. Однако сейчас давайте перейдем ко второму вопросу: Какое влияние оказывает на коммуникативные дисциплины и на их самоопределение современная философия познания? В частности, выделяя парадигмальные подходы внутри коммуникативного знания, мы часто говорим о постмодернистских влияниях, или о философии постмодернизма. Или, в этой же связи, мы говорим о такой эпистемологии коммуника-

В России больше принят термин «конструктивизм», но в северо-американской традиции коммуникативных дисциплин (Communication Studies) более практикуются термины «социальный конструкционизм» и «социальное конструирование». В структуре Национальной коммуникативной ассоциации США (NCA) есть даже отдельное подразделение, которое так и называется «Коммуникация как социальное конструирование».

тивного исследования как социальный конструкционизм¹. С этих позиций давайте посмотрим, каковы современные влияния на коммуникативное знание. Передаю слово Роберту Крейгу.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И КОНСТРУКТИВИЗМ / СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ: ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ МЕТОДОЛОГИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

POSTMODERNISM AND CONSTRUCTIVISM / SOCIAL CONSTRUCTIONISM: INFLUENCE AND IMPLICATIONS FOR COMMUNICATION RESEARCH

[КРЕЙГ] Спасибо. Я согласился представить некоторые соображения по вопросу о постмодернизме и социальном конструкционизме, а также об их влиянии на коммуникацию как дисциплину.

В своем пленарном докладе в пятницу² я поставил вопрос, почему так получается, что коммуникация появляется в обществе в качестве дисциплины, и предложил ответ на него: мы имеем дело с коммуникацией на практике (practical concern), то есть у нас есть практические проблемы с коммуникацией, и они создают социокультурную среду, в которой такая дисциплина имеет смысл. Однако следуя предложению Вольфганга Донсбаха не ограничиваться поверхностной констатацией практического интереса к коммуникации, мы должны спросить, *почему* существует практическая заинтересованность в коммуникации? Почему коммуникация стала для нас практической проблемой?

На этот вопрос можно предложить много ответов. Некоторые апеллируют к технологиям — мы располагаем новыми медиа и тому подобными вещами, и поэтому мы озабочены данным вопросом. Но я думаю, что для более фундаментального объяснения надо разбираться с изменениями в природе общества и тем, как оно структурировано. Во второй половине XX века Лиотар и другие авторы теоретически осмыслили это как переход от модерна к постмодерну. Что это означает и как это влияет на коммуникацию?

Я смею утверждать, что переход от модерна к постмодерну ознаменован фундаментальным изменением концепции коммуникации и понимания ее роли в обществе. В эпоху модерна, когда согласно просвещенческой концепции знания мы должны были со временем приблизиться к полному пониманию реальности, коммуникация отождествлялась с передачей информации. Была некоторая истина, предшествовавшая акту коммуникации (или ментальные состояния, идеи, которые мы хотели передать), а коммуникация по сути являлась нейтральным инструментом, процессом, который в идеале брал эти истины и передавал их от одного человека к другому, позволял поделиться ими в неискаженном виде. С этой точки зрения коммуникация играла исключительно инструментальную и подчиненную роль по отношению к отраслям знания. Науки создают знания, а коммуникация передает, «коммуницирует» (communication communicates) знания, но у нее нет своего собственного знания.

Крейг Р. О взаимодействии теории и практики коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн, №1, 2016. — с. 153-160.

Состояние постмодерна — это тот момент, когда мы принимаем идею «сотворчества» (co-creation) и социальное конструирование становится важной концепцией. Коммуникация понимается теперь не как передача смыслов или информации, которые уже существуют, а как процесс, в котором смыслы порождаются, создаются. Процесс коммуникации понимается теперь как процесс, в котором развиваются наше понимание реальности, осмысление себя и наших социальных идентичностей.

Я не думаю, что это подразумевает радикальный релятивизм по отношению к знанию. Некоторые понимают конструктивизм в этом ключе, но я не думаю, что нам нужно видеть в этом радикальный релятивизм. И я готов доказывать, что конструктивизм не является несовместимым с эпистемологическим реализмом, поскольку он не противоречит убеждению в существовании реальности, независимой от нашего восприятия и наших мнений. Правильнее сказать, что он признает, что многие аспекты нашей реальности фактически созданы людьми и существуют только благодаря тому, что были социально сконструированы в процессе коммуникации. Это не антиреализм — это реализм! Это то, из чего состоит человеческий мир.

Итак, мировоззрение, социальная идентичность, чувство себя, практические нормы, формы взаимодействия и коммуникации, социальные институты и отношения — все эти вещи создаются, конструируются в процессе коммуникации. На мой взгляд, именно этот переход создает основу не только для интереса к коммуникации, но и для развития коммуникации как отдельной дисциплины.

Если взять четыре аспекта дисциплины по Вольфгангу Донсбаху (объект, теория, метод и проблема), то я думаю, что эта дисциплина начинается с проблемы. Эта проблема, задающая коммуникацию как дисциплину, состоит в том, как конструировать практики коммуникации, посредством которых мы создаем, совместно создаем (co-construct) социальный мир, в котором живем. Как мы собираемся структурировать этот процесс коммуникации, и что он будет производить?

Я не вижу в таком подходе несовместимости с аргументом Марка Раца о противопоставлении деятельностно-ориентированных и объектно-ориентированных наук, хотя у меня, по-видимому, несколько иное представление — на что ссылалась Ольга — о различии деятельностно-ориентированной и практической науки. Они соотносятся между собой, но, скорее всего, это все же не одно и то же.

Одно различие, если я понимаю это правильно, заключается в том, что деятельностно-ориентированная (activity oriented) наука, практиковавшаяся, например, Московским Методологическим кружком, развивалась преимущественно на основе системного мышления и занималась проблемами организации кооперативной работы. С другой стороны, практическая, или практико-ориентированная наука (practical science), в моем понимании, развивалась преимущественно из традиций риторического мышления, практической философии и прагматизма, и сосредоточена на *нормативных проблемах* коммуникативных действий индивидов в социально-институциональных контекстах. Я не считаю, что эти два подхода противоречат друг другу или несовместимы, но в моем представлении это все-таки два разных подхода.

Я также размышлял над пленарным докладом проф. Донсбаха, в котором он описывал исследования общественного мнения и журналистики в социальных науках. И мне кажется, что вопрос о коммуникации как дисциплине непосредственно связан с тем, как, в чем мы видим цели такого исследования. Иными словами, для психолога цель подобного исследования заключается в понимании законов, управляющих формированием общественного мнения или медиа-эффектами. Однако мне представляется, что в коммуникативном подходе, в дисциплине о коммуникации (communication discipline) все это подчинено более главному вопросу: как мы организуем, структурируем практики журналистики, чтобы обеспечить действие необходи-

мых нам демократических норм. Таким образом, именно социальное конструирование журналистики как института является той проблемой, ради которой мы проводим эмпирические исследования массовых коммуникаций, общественного мнения и так далее — по крайней мере, именно так я это вижу.

[МАТЬЯШ] (*обращаясь к Крейгу*). Таким образом, одна из главных идей, которые я слышу в Вашей цепочке рассуждений, — что коммуникативная теория призвана помогать, и помогает, *культивировать социальные коммуникативные практики* (то, что в риторической коммуникативной традиции обозначается как *communication praxis*, мастерство, искусство коммуницирования).

[ГРЕЧКО] Обмена информацией недостаточно для коммуникации. Я хочу сказать, что инструментальное понимание коммуникации как обмена информацией уже не отвечает современным реалиям. Коммуникация — это обмен смыслами.

Но я бы хотел и спросить (*обращается к Крейгу*), чтобы Вы раскрыли. Вы прекрасно пишете о коммуникации как *experience of otherness*. Я думаю, это уникальное достояние коммуникации — проявлять подобный опыт «другости», формировать его и расширять. Тут мы можем вспомнить и привлечь к этой картине Мида, который сказал, что именно в коммуникации Я (*I*) раскрывается через разные проявления *Me*, которыми можно управлять. Или, скажем, эпифания «Другого» у Левинаса. Она тоже раскрывает и показывает опыт «другости».

[МАТЬЯШ] Уточнение: по-моему, Роберт [Крейг] нигде в рассуждениях о конструирующей роли коммуникации не делает акцента на обмене информацией. Просто вношу уточнение.

[ГРЕЧКО] Нет, он в своей работе различает эти процессы. Я просто уточняю. Я хотел бы, чтобы он, может быть, в большей мере раскрыл этот опыт *otherness*.

[КРЕЙГ] В своих работах в области теории коммуникации я доказывал, что коммуникация по-разному концептуализируется в различных традициях мысли. В традиции, которую я назвал «феноменологической», опыт переживания Другого и качество этого опыта являются центральными для концепции коммуникации. И я считаю, что феноменологический взгляд очень хорошо подходит (*valid*) для понимания коммуникации; он указывает нам на очень важные проблемы, связанные с человеческими отношениями и их подлинностью (*authenticity*).

Я хотел бы отличить такой подход от, например, кибернетической концепции коммуникации, которая уходит корнями в идеи об информации, системах и т.п. и имеет тенденцию преуменьшать роль субъективности. Это другой способ понимать коммуникацию, который отсылает нас к иному набору проблем, связанных с системами и их функционированием.

Поэтому я утверждаю, что каждый из этих подходов годится (*valid*) для понимания коммуникации — для определенного круга целей. Таков мой аргумент.

[МАТЬЯШ] Продолжу размышления по поводу этой же идеи — сосуществования различных теоретических, исследовательских, аналитических подходов. Когда мы говорим о коммуникативном знании, мы подразумеваем его как определенное поле, в котором есть вот это взаимодействие между разными подходами (о котором говорит профессор Крейг), и даже разными дискурсами. В этой связи — особенно если воспринимать идею постмодернизма как признание относительности, как релятивизм — многие склонны утверждать, что такая терпимость к различным внутридисциплинарным подходам идет во вред науке. Это свидетельствует о том, что расплываются критерии, размываются основания. Релятивизм в его радикальном понимании (*radical relativism*) часто ассоциируется с отсутствием норм и четких принципов научного исследования.

Если кто-либо из вас может пояснить и критически отнестись к такой распространенной точке зрения, когда мы говорим о постмодернистской рациональности и ее влияниях на коммуникативные теории, — пожалуйста.

[КЛЯГИН] Здравствуйте! Меня зовут Клягин Сергей Вячеславович. Я являюсь руководителем коммуникативной образовательной программы в Российском государственном гуманитарном университете. Этой программе уже более 15 лет. Поэтому я выражаю здесь не только свою точку зрения, но и позицию, так сказать, гуманитарным образом ориентированного субъекта процесса становления коммуникативной дисциплины.

Действительно, поле коммуникативных исследований характеризуется некоторым плюрализмом, который может быть интерпретирован с помощью самых различных концепций. В этой связи, думаю, основной итог нынешней конференции состоит в том, что нам нужно научиться рассуждать о коммуникации коммуникативным образом. Можно вполне согласиться с прозвучавшим сейчас утверждением Роберта Крейга о том, что коммуникация должна «коммуницировать» знания, создавая новые реальности и новые понимания реальности.

Поэтому не может быть «плохой» дисциплины. Дисциплина как форма упорядочивания знания и процесса его производства такова, какова она есть. И это реалистический подход, хотя продумать и реализовать его практически не просто.

Конечно, наличие неопределенностей, несогласованностей в осмыслении того, что происходит в научной дисциплине, может вызывать интеллектуальный и организационный дискомфорт. Но возможно для современной культуры, для современного общества наличие неопределенности есть именно норма. Коммуникация в такой ситуации — это, образно говоря, терпение неопределенности. Коммуникативная картина той или иной области реальности нарисована размытыми акварельными красками.

Откликаясь на уже сказанное, я бы выдвинул тезис о необходимости рассмотрения динамических форм дисциплинарности, подвижных структур порядка в коммуникативных исследованиях. Об этом много говорили и на секциях конференции, и в пленарных докладах. Об этом идет речь в известной концепции метамодели теории коммуникации (Р. Крейг), где содержание теории коммуникации конституируется во взаимодействии различных исследовательских направлений. Возможно это именно та реальность, к которой стоит присмотреться. Это тот «новый реализм», научно-образовательный, культурный, с которым мы в настоящее время сталкиваемся.

Коммуникативные исследования, возможно, относятся к определенному типу знания. Как известно, науки бывают ориентированными на истину («логики»), а также на то, что связано с какими-то высшими смыслами (это «ведения»). Но бывают и особого рода науки — «навтики». По-гречески «нотикус» — это плавание, навигация. Поэтому коммуникативные науки — это, возможно, нечто похожее на космонавтику. Это навигация во взаимодействующем поле различных идей и субъектов, связанных с коммуникативными исследованиями.

Поэтому у нас есть все основания говорить, что дисциплина отнюдь не распадается, она находится в определенном динамическом состоянии. И это не только вызов для коммуникативных наук. Я думаю, что коммуникативные науки дают определенный пример, образец того, как вообще в социальном гуманитарном познании и в современных науках может происходить становление новых форм дисциплинарного взаимодействия. Коммуникативные науки представляют не просто новую дисциплину, но, возможно, глубокий поворот в культуре, в научном познании. Такие «сдвиги», повороты происходили в XIX, в XX веке. Они были, например, связаны, с темой

человека, с когнитивными науками, с информационными технологиями. Мне кажется, мы как раз сейчас испытываем такой поворот.

И еще один краткий тезис относительно динамических форм дисциплинарности. Мне кажется, есть много проявлений этой динамики. Одно из них связано с тем, что не стоит противопоставлять теорию практике. Мы сейчас сталкиваемся с совершенно новой реальностью, которая может описываться самыми разными концепциями: глобальный эволюционизм, новая технологическая реальность, идея антропоценоза Курцвейла и, наконец, концепция медиальных сред Мэтью Фуллера (Media Ecologies). Эта реальность представляет собой качественно новый конгломерат вещественностей, текстов, информации и смыслов, где все проявляется в глубочайшем и пока еще только становящемся, возникающем единстве.

Поэтому мы можем говорить сейчас не о теории и практике, а о дискурсах продуктивности, о дискурсах различной степени результативности и интенсивности. Нам необходимо и для науки, и для образования вырабатывать новые понятия, новые языки. И это тоже будет обозначать динамический процесс образования новых форм дисциплинарности в коммуникативных исследованиях.

Таким образом, в коммуникативных науках мы можем объединить различные подходы. И в этом смысле коммуникативные исследования могут выступать не только потребителем каких-то эпистемологических идей, но и тем интеллектуальным цехом, где эти идеи могут создаваться и передаваться в другие области науки и современной культуры.

[МАТЬЯШ] Спасибо, Сергей Вячеславович. Я хочу отнестись к тому, что Вы сказали в первой части выступления: о динамичном состоянии дисциплины, о том, что наше понимание назначения коммуникативного знания и коммуникативных наук еще только складывается. И в этом плане интересна мысль о функции навигации — коммуникативное знание как *nautica*, навтика.

Мне кажется, что вот такое неустойчивое состояние нашей мысли в отношении к тому предмету, который мы сегодня пытаемся как-то обозначить, проявляется отчасти и в том, что в русском языке никак не может сложиться одно название, наименование этого научного поля. У нас есть попытки называть это поле *коммуникологией*, *коммуникативистикой* (и да, интересен был бы неологизм по принципу космонавтики), или принято еще называть его *коммуникативными науками*. Но пока ни один из этих терминов не стал доминирующим, что, опять же, свидетельствует о поиске, о том, что идет идентификация, что это собственно за зверь.

Здесь я хотела бы обратиться к вопросу о «понятийных основаниях» коммуникативных дисциплин: что мы понимаем под понятийными, концептуальными основаниями этого вида знания? И можем ли мы в этом случае утверждать возможность и наличие универсальных принципов, универсальных понятий и категорий, универсальных теорий? Это наш давнишний спор с Марком Владимировичем Рацем, поэтому Вам, Марк Владимирович, первое слово.

ЕСТЬ ЛИ У КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ПОНЯТИЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ»? ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ И ИХ КОНСТРУИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКОЛОГИИ

ARE THERE “CONCEPTUAL FOUNDATIONS” IN COMMUNICATION RESEARCH? THE ISSUE OF UNIVERSAL CONCEPTS AND THEIR CONSTRUCTION IN MODERN COMMUNICATION THEORY

[РАЦ] Это один из самых актуальных вопросов, которые стоят перед нами сегодня и не только сегодня. Но я бы его иначе сформулировал, дальше скажу, как именно. А начну с того, что наука, если и насколько она наука, бывает не американская, русская или немецкая, а только и исключительно мировая. Если же она в Америке одна, а в России другая, то это черт знает что, а не наука (ну, типа нашей «мичуринской биологии»). Что, разумеется, не мешает национальным особенностям научных школ, но предполагает некие общие основания, общую категориально-понятийную базу.

С этой точки зрения, спрашивается: понятия существуют независимо от нас, наше дело состоит только в том, чтобы их «открыть» и дать им определения, как это принято пока в школьных (и не только) учебниках? Либо понятия суть некоторые искусственные мыслительные конструкции, и нам надлежит выполнять достаточно сложную работу по конструированию и построению этих самых понятий? Во втором случае, который я считаю более реалистичным, вопрос состоит не в том, есть или нет универсальные понятия, а в том, считаем ли нужным, можем ли построить такие понятия и сделать их всеобщим достоянием. При этом еще может оказаться, что считать-то считаем, но построить — кишка тонка, и нам это до поры до времени не удастся сделать. Примеров таких сколько угодно: от тяготения в физике до власти в социологии.

В области коммуникативных наук пока что — как свидетельствуют многочисленные работы, в частности, известный классический труд профессора Крейга — нам универсальные понятия не больно-то удастся построить. Мы больше говорим о разных подходах, разных системах представлений и традициях по этому поводу.

Хочу обратить ваше внимание, что такое положение дел, между прочим, совершенно естественно, потому что существует некая иерархия культур и связанных с ними понятийных представлений. Если идти от малого к большому, то я бы говорил о культуре референтной группы, где участники прекрасно друг друга понимают, только извне их никто не понимает. Дальше идет, скажем, некое профессиональное сообщество, в рамках которого все прекрасно понимают друг друга, но за рамками этого профессионального сообщества понимание кончается. Точно так же можно говорить о национальных культурах и, наконец, о мировой культуре. И в этом ряду на своем скромном месте те самые традиции в коммуникативной науке, о которых писал Р. Крейг.

Меня больше всего интересует вопрос, как происходит формирование этих самых универсальных понятий (наиболее общие из них в философии и логике называются категориями)? Всё и всегда начинается в какой-то точке пространства и вре-

мени. Ситуация созревает. В какой-то референтной группе возникают некоторые интенции на построение (универсальных) понятий. Как говорил наш учитель Георгий Петрович Щедровицкий, окаянства надо набраться, чтобы затеять работу по построению таких понятий.

Так вот, в своей референтной группе относительно легко что-то сделать (хотя, бывает, кровь из носа идет). У нас, например, в методологическом сообществе множество таких понятий..., которых никто, кроме нас, не понимает. А как их дальше продвинуть вширь, как сделать достоянием культуры, ну, хотя бы национальной и/или профессиональной? Как говорил когда-то Эренбург, есть движение культуры вглубь, а есть вширь. Вот как распространить наши представления на весь мир — это, кажется, большая проблема, которую нам (как методологам, так и коммуникологам) пока что не удается решить. Но вопрос я бы ставил именно так: не наличествуют ли они в нашем мире (да или нет), а как их строить, если мы считаем это нужным.

Для начала я говорю здесь о трех этапах такой работы:

1. Анализ ситуации, тематизация и особая организация обсуждения избранной темы, обеспечивающая движение к основаниям (разных точек зрения) и их проблематизацию; кстати, это плохо согласуется с известной стратегией «согласования смыслов»;
2. Решение поставленных проблем (во многом дело случая и везения), выработка культуросообразных продуктов на выходе;
3. Проработка вглубь и продвижение полученных решений вширь, их встраивание в культуру.

По первым двум пунктам мы в ММК заметно продвинулись, а с третьим пока затык. Обнадёживает то, что он закольцовывается с первым.

[МАТЬЯШ] Такая аналитическая программа (по разработке понятий) сразу вызывает немало вопросов и сомнений... Сергей Вячеславович хочет отреагировать на вашу позицию.

[КЛЯГИН] В русскоязычном песенном творчестве, как мы помним, есть такой вопрос: с чего начинается Родина? Поиск универсальных понятий, мне кажется, сродни поиску ответа на этот вопрос. Однако, не факт, что в динамически развивающейся научной дисциплине необходимо осуществлять поиск универсальных понятий.

Мне кажется, здесь есть, по крайней мере, три возможных различия того, с чего «начинается Родина» коммуникативных исследований. Если попытаться примирить известный в философии спор между реалистами и номиналистами, то, двигаясь от идеи универсальных понятий в возможность более прагматических сюжетов, связанных с ситуацией в коммуникативных исследованиях, помимо универсальных понятий можно говорить и о структурированных понятийных основаниях науки. И, что мне кажется более современным, перспективным, что соответствует разработкам философии и методологии отечественных философов (в частности Степина и его последователей), то применительно к коммуникативным исследованиям лучше говорить об основаниях науки. В основания науки помимо эпистемологических норм включаются также представления об идеалах и нормах научного познания, о научной картине мира и в целом о социокультурной обусловленности того, что происходит непосредственно в научном познании.

Я думаю, что такое расширенное понимание оснований науки в большей степени соответствует той ситуации, которая складывается в настоящем в коммуникативных исследованиях. Спасибо.

[МАТЬЯШ] Я все ждала, когда возникнет ссылка на работы Степина, кто первый из российских участников его вспомнит (*комментарий с долей иронии*). Спасибо.

И еще у Вольфганга Донсбаха тоже есть несколько реплик в ответ на предыдущие выступления.

КОММУНИКАТИВНАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

COMMUNICATION AS SCIENCE: THE ISSUE OF TRUTH IN MODERN COMMUNICATION INQUIRY

[ДОНСБАХ] Прежде, чем это обсуждение перельется во внутреннюю русскую дискуссию, я бы хотел вернуться к одному аспекту. Я думаю, что Ольга может задать сколько угодно вопросов, но мы все равно будем возвращаться к одной и той же точке: как мы определяем науку, как мы определяем правильные подходы к тому, что мы делаем?

Сергей, то, что вы описываете, звучит великолепно и очень симпатично: пусть все различия, разные подходы соревнуются друг с другом. Это слегка напоминает мне одну фразу: пусть расцветает тысяча цветов, пусть соревнуется друг с другом тысяча школ. Но думаю, что мы вряд ли верим, что наука — это для развлечения нас самих. Это ведь не про то, как мы развлекаемся и впечатляем всех окружающих. Если вспомнить Никласа Лумана, немецкого социолога, развивающего системную теорию, вот что он говорит о науке: каждая подсистема в обществе имеет своего рода код, и этот код отличает ее от других подсистем. Например, в политике это «власть» и «безвластие», в экономических системах это «имение» и «неимение». Какой код у науки? И он говорит, что это «истина» и «ложь». Итак, наша функция во всей этой системе заключается в том, что мы производим различия между истинными и ложными утверждениями о реальности. Это то, за что нам платят. И по этой причине можно исключить много иных подходов к реальности, *не являющихся* частью научной системы, потому что они просто не способны этого сделать.

Давайте подумаем о других научных дисциплинах, о том, как там происходит движение вперед, скажем, в медицине. Они ведь занимаются не интерпретацией вещей, а исследованием, сопоставлением фактов друг с другом. Это интересубъективное обоснование (intersubjective evidence). Это то, что делает настоящая наука, будь то коммуникация, медицина или физика. Вы должны предстать перед научным сообществом с описанием реальности, о котором оно скажет: «Это исследование». Даже если у нас абсолютно разные политические предпосылки, пришедшие из разных стран — я соглашаюсь с этим. Это, например, воздействие определенного сообщения (message) или рекламы на поведение электората во время избирательной кампании.

Итак, это то, чем мы должны заниматься. Мы исследуем законы, мы исследуем поведенческие паттерны, и тогда в конце концов мы можем сказать: да, таково современное состояние дел (state of the art). И я вижу, что мы полагаем, из-за того, что мы имеем дело с людьми, мы должны принять все варианты различных подходов, чтобы сделать соответствующие оценки. Но я думаю, что мы не должны этого делать. Я не думаю, что нам *позволено* поступать так, потому что это в таком случае превратилось бы в развлечение для нас самих, мы бы стали клоунами в науке. Но мы *ищем истину*. И сейчас мы можем вернуться к дискуссиям об истине, и говорить о Канте или о ком угодно еще, но в конечном итоге все мы войдем в свои самолеты. Я лечу в Мо-

ску из Дрездена или Берлина, и я верю в законы физики, в аэродинамику, и во все остальное, потому что они способны предсказать поведение — в данном случае работу самолета, чтобы тот летел и не упал.

И это то, что мы также должны делать и в коммуникациях. Нам нужно найти эти законы, нам нужно понять, что мотивирует людей к развитию того или иного смысла. Я не чувствую несогласия с тем, что сказал Роберт Крейг. Да, это о смысле, но смысл — это просто объект, и уже в самом начале исследований в области коммуникаций, если вы вспомните исследования ранних лет, экспериментальные исследования, они были о развитии смыслов вследствие военной пропаганды. Итак, мы всегда были обеспокоены смыслом, и смысл — всего лишь объект, который мы исследуем. Мы пытаемся найти факторы и переменные, которые внесут вклад в развитие определенного смысла и рассматриваем культуру, рассматриваем, естественно, межличностную коммуникацию, или рассматриваем власти как переменные, которые влияют на результат. И это не исключает всех других подходов (как, например, подход, основанный на власти, который вы в изобилии найдете в исследованиях на конференциях), но в конце дня вам необходимо прийти к обоснованию того, насколько эти переменные, вроде власти, влияют на развитие смыслов.

Поэтому для меня... Я бы хотел вернуться к самому первому вопросу: я не вижу никакой разницы между естественными и социальными науками, если я думаю о нашей основной задаче — предоставить доказательства, по которым будет достигнуто интересубъективное согласие.

[МАТЬЯШ] Как я вижу, Вольф, Вы аргументируете свой тезис — о сходстве социальных наук с естественными науками — исходя из принципа *истинности* знания (что якобы как те, так и другие исследователи ведут поиск истинного знания). Но есть немало коммуникативных исследователей — особенно тех, кто работает в интерпретивистской (interpretive) парадигме и ведет качественные исследования, кто, условно говоря, под этим не подпишется. Для них главной целью, критерием и результатом хорошего исследования необязательно являются истинность и верифицируемость добытых знаний. Они могут утверждать, что ценность коммуникативного исследования — в его объяснительной силе, в том, насколько исследование открывает новые горизонты для осмысления и объяснения, для *понимания* человеческого мира — тех событий, условий и состояний, в которых мы существуем.

[ДОНСБАХ] Только одна ремарка. Только одна ремарка к сказанному. До тех пор, пока у нас есть только интерпретация исследования по поиску лекарства от рака, это не является реальным лекарством. Исследование становится действительным (valid), когда у других есть аналогичные свидетельства, которые могут доказать, что это и есть реальное лекарство. Поэтому интерпретация — это не конец исследовательского процесса. Интерпретация остается очень субъективной и весьма нерелевантной для научного сообщества до тех пор, пока другие не подтвердят: «Да, это истинно», включая тех, кто имел кардинально противоположное мнение. Это создает научное доказательство (scientific evidence), как мы его называем, и я думаю, это очень полезно, например, когда вы ссылаетесь на исследование или когда сравниваете с тем, что происходит в других научных областях, потому что в конечном итоге от нас ожидается одно и то же. Люди ожидают от нас, что мы предоставим им решение проблем. И если родитель спрашивает меня, сколько часов его ребенок может смотреть телевизор или играть в видеоигры, и в какие виды игр, мне нужен ответ, который я не могу найти в интерпретации, не могу найти в идеологии, я могу найти его только в результате *истинного исследования* — и это то, что я отстаиваю.

[МАТЬЯШ] Да, и здесь мы опять выходим на вопрос, что такое истина? Говоря о коммуникативном исследовании, что мы, в конце концов, понимаем под истинным исследованием и истинным знанием?

[РАЦ] Очень интересный разговор завязывается. Я бы вообще не говорил, что медицина — это наука. Медицина — это инженерия в применении к человеческому телу или к человеческой душе, если говорить о психиатрии. Но это никоим образом не наука. Наука — это физиология, цитология, эмбриология и т.д., и т.п. — их много таких, которые медицину обеспечивают знаниями. А медицина-то занимается лечением людей, то бишь, производит искусственно-техническое вмешательство в функционирование человеческого организма. С хирургией это особенно наглядно.

И тут, действительно, важна аналогия с коммуникацией, точнее, с организацией коммуникации и коммуникативными науками. Для науки истина — это хорошо. Но если мы говорим о таких вещах, как политические и общественные коммуникации и их организация, то там ведь вопрос не в истине, а в том, как мы видим будущее, какой из конкурирующих проектов будущего победит. Вопрос здесь в *эффективности*, в *обеспечении успеха* политика, а отнюдь не в том, что истинно, а что ложно. Эти категории в проектном залеге вообще не работают.

[ГРЕЧКО] Я хотел просто поддержать Вольфганга. Есть такое отечественное определение науки, прежде всего гуманитарной науки: это занятие любимым делом, куда может входить и просто интеллектуальная болтовня, за государственный счет.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАНИЕ ДЛЯ КОГО И ДЛЯ ЧЕГО?

PRACTICAL VALUE OF COMMUNICATION RESEARCH: COMMUNICATION KNOWLEDGE FOR WHOM AND FOR WHAT?

[ИДИ] Прежде всего, позвольте оговориться: «коммуникация» — просто ужасный термин для обозначения того, над чем мы работаем. У него масса толкований, по их поводу мы не можем прийти к согласию; то, как мы определяем коммуникацию, очень сильно зависит от того, в каком контексте мы ее рассматриваем и над какими видами специфических проблем работаем. Таким образом, термин неадекватно описывает то, что мы делаем.

С другой стороны, это широкий метафорический термин, который принимает во внимание все те удивительные вещи, которыми мы занимаемся. И он может быть рассмотрен с целого ряда ракурсов. И значит, это отличный термин для описания нас. Это лучший термин, который у нас есть.

Так что, в конце концов, при всей своей неадекватности, особенно явной при обсуждении тонкостей, это все же очень хороший термин. Термин, вокруг которого мы можем сплотиться. Термин, на основании которого мы можем разработать учебный план, чтобы помочь студентам понять то, что все они делают естественным образом. А для таких вещей всегда трудно найти подходящие слова, когда дело касается общения с людьми. Все мы учились тому, как общаться; следствием оказывается

то, что иногда мы теряемся в том, что является основной проблемой; мы покрываем профессиональное поле всего за несколькими исключениями, с которыми работают дефектологи и аудиологи, помогающие людям, которые испытывают технические и физические затруднения в общении.

Итак, в чем наша проблема, как поставил перед нами вопрос профессор Донсбах? Мне кажется, мы слышим констатацию, что наша проблема состоит в том, что мы хотим дать людям возможность общаться лучше. Что мы должны выяснить способы, благодаря которым люди смогут коммуницировать лучше.

Итак, как мы это делаем? Что ж, я большой поклонник профессора Трэйси и ее работы, и я хотел бы привести в качестве примера исследование, которое она проводила в течение долгого времени и недавно закончила; в этом исследовании она работала со штатными сотрудниками колл-центров, принимающих вызовы по чрезвычайным ситуациям. Они заняты диспетчеризацией работы полицейских и пожарных, оказывающих людям помощь в чрезвычайных ситуациях.

Она пошла и послушала эти диалоги, она провела интервью с людьми из этих колл-центров об их разочарованиях, и она получила глубокое понимание различных видов вызовов, поступающих в эти колл-центры, и как сотрудники справляются с ними, когда это проходит хорошо, а когда это не проходит хорошо. Она смогла посмотреть на паттерны и увидеть, в каких случаях сотрудники службы реагирования могли бы быть удовлетворены своим опытом, поскольку они являются составной частью ситуации, даже если не принимают в ней прямого участия или напрямую не участвовали в диалоге, и как иногда все может пойти ужасающе плохо и неправильно. Что она смогла сделать, так это прийти к этим людям с весьма практичными советами, как улучшить работу в этом конкретном колл-центре.

Ну, а могла бы она дать такие же советы людям из другого колл-центра? Возможно. Многие колл-центры в США работают очень похожим образом. Могла бы она дать эти советы сотрудникам российского колл-центра и работали бы они? Я не знаю. Это — то, что мы могли бы исследовать. Мы могли бы исследовать это систематически и увидеть, как это могло бы сработать.

Итак, если коммуникация — это главная метафора для обозначения того, что мы делаем, как мы исследуем это нечто? Позвольте мне ввести еще одну метафору, и давайте посмотрим, сможет ли это помочь.

Я думаю, что мы занимаемся исследованиями с помощью академического диалога (*conversation*). Поэтому я буду использовать *коммуникативную метафору*, чтобы обсудить то, что мы делаем. Мы собираем данные всеми способами, которыми только можем, а потом мы говорим об этом с коллегами. Мы говорим об этом также через публикации, и этот процесс публикации вовлекает людей, которые смотрят на результаты нашей работы и говорят, что она имеет смысл.

Я размышляю над тем, что мы делаем, когда мы определяем, каким образом мы осуществляем эту деятельность; а также — является ли то, что мы таким образом идентифицируем, нашим вкладом в академический диалог. Существует множество проявлений академического диалога, развивающихся в рамках коммуникации как дисциплины, и это прекрасно. Это совершенно уместно.

Некоторые из этих академических диалогов вращаются вокруг определенных принципов, таких как *метафора науки*: как мы развиваем науку в сфере коммуникации? И часть этого диалога направлена на то, чтобы попытаться сделать науку лучше по мере нашего продвижения вперед. И как правильно отмечает профессор Донсбах, мы все еще работаем над этим, мы становимся лучше, но мы еще не добились этого окончательно.

Но другие люди работают над другими видами проблем. И, как я сказал, они добиваются успехов в этом. Я полагаю, профессор Трейси могла бы нам рассказать, что специалисты call-центра были очень благодарны за то исследование, которое она провела, но, кроме того, есть ученые, которые тоже очень благодарны за это исследование, потому что оно показало тот вид коммуникации, который мы не рассматривали в деталях, а оно обеспечило нас богатым объемом данных, чтобы мы были способны описать коммуникации такого рода и имели потенциальную возможность посредством академического диалога обобщить их для похожих ситуаций или даже для других ситуаций.

Еще один пункт, который я хочу предложить к рассмотрению (и на этом я заканчиваю), состоит в том, что академические диалоги не являются всецело логичными, они не обязательно логически вытекают одно из другого, они в некотором смысле хаотичны; фактически мы вольны извлекать уроки из диалога, который не совершенен. Позвольте мне использовать пример, который довольно актуален в США.

Возможно, Вы знаете, что довольно много республиканцев вступило в президентскую гонку. Их, вероятно, набирается уже шестнадцать или семнадцать. И когда появляется следующий претендент, представители СМИ пожимают плечами и говорят: «О, вот еще один человек, баллотирующийся в президенты. Как этот человек будет выделять себя — ведь фактически только один кандидат от республиканцев является женщиной — а они-то как собираются стать отличимыми?»

Итак, на прошлой неделе к диалогу присоединился Дональд Трамп. Мистер Трамп — медийная персона, он — также и предприниматель, он откровенен и известен тем, что не следует канонам; фактически это именно то, что он делал. Он вышел и говорил вещи, которые были совершенно... необоснованные, ничем не подкрепленные, и он заявлял то, что было возмутительно. Совершенно неожиданно опросы общественного мнения вывели его на второе место.

Это нечто, о чем исследователи коммуникации могут сказать, что это абсолютно неверный способ вести кампанию, но, тем не менее, в плане краткосрочного эффекта мистер Трамп был успешен. Так как же мы это объясним? Я думаю, мы можем, но это требует диалога между нами, чтобы мы были в состоянии найти объяснение.

Поэтому вызов, который я бросаю каждому из вас в этой комнате, заключается в том, чтобы сегодня подумать, в какие академические диалоги вы вовлечены, какие из них вас увлекают, как вы обращаетесь к этим академическим диалогам, как вы собираетесь делать это систематическим образом и как вы собираете свидетельства, которые можете продемонстрировать людям, увлеченным теми же темами — так, чтобы вы при этом *строили знание* и выходили к *практическим результатам*, которые мы можем использовать в процессе групповой коммуникации.

[МАТЬЯШ] Спасибо, Билл. Если подытожить, что я услышала в Вашем выступлении: во-первых, Вы подчеркиваете такую ценность (и одновременно критерий) коммуникативного знания/исследования как его *практичность* — полезность, насколько оно приложимо к решению реальных, жизненных социальных проблем. И второе...

[ИДИ] (*вклинивается*). Я думаю, что ценностью обладает и чисто научное знание, которое не является практичным, но я думаю, что в наших обсуждениях мы пришли к тому, что для нас проблема является практической — мы хотим, чтобы все знание, которым мы обладаем, служило, в конечном итоге, тому, чтобы улучшать нашу коммуникацию.

[МАТЬЯШ] ...И вторая важная идея, которую мне бы хотелось выделить из Вашего выступления: что развитие, приращение самого знания о коммуникации происходит тоже через коммуникацию, оно невозможно вне коммуникации. То есть чем больше

будет разных дискурсов в нашем научном сообществе (коммуникативных исследователей), чем больше будет возникать напряжение, вплоть до столкновений, между этими дискурсами — подходами, тем больше все мы выиграем, тем увереннее будет продвигаться развитие нашей дисциплины (*Иди кивает, соглашаясь*).

[КЛЯГИН] Я бы хотел присоединиться к тому, что сказал уважаемый Билл [Иди]. Мне кажется, что здесь выделена тема, связанная с тем, что в исследовании могут использоваться языки разного уровня, необязательно только язык, который относится, например, к какой-то строгой науке. И по-разному могут пониматься результаты исследования. И уже откликаясь на реплику уважаемого Вольфганга Донсбаха, я могу сказать, что в предложении плюралистического подхода к пониманию коммуникативных дисциплин нет идей иррационализма, не отрицается научность как таковая. Речь идет, скорее, о возможности новой коммуникативной рациональности.

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ДОГОВАРИВАТЬСЯ?

TOWARD DIALOGUE AND COLLABORATION BETWEEN DIFFERENT PERSPECTIVES AND TRADITIONS IN COMMUNICATION: WHAT IS GAINED BY TALKING TO EACH OTHER?

[МАРАЧА] Вопрос о том, что объединяет и что разделяет методологии естественных и социальных наук, имеет достаточно богатую историю. Но если ставить эту проблему на примере коммуникативных исследований, то следует начать с нескольких ситуаций, возникших в ходе обсуждений на нашей конференции. Вкратце их суть заключалась в следующем: один из участников обсуждения предъявлял к коммуникативным исследованиям методологические требования, исходящие из стандарта естественных наук, который рассматривался как универсальный, а другой участник убедительно возражал, что в данном случае эти требования не работают, предъявляя иные требования, которых нет в методологии естественных наук.

Из этих новых требований я для начала выделил бы три:

- 1) теория коммуникации должна быть практической (practical theory);
- 2) она должна совмещать нормативную и понимающую функции, позволяя квалифицировать феномены и усматривать их смысл;
- 3) коммуникация как объект исследуется с разных сторон, выделяются различные аспекты, даются разные определения, под это подводятся разные основания. Или, как говорил сегодня в ходе своей впечатляющей презентации Вольфганг Донсбах, «теории должны быть всесторонними (comprehensive)», а также «принимать во внимание понятие о самих себе (concept of self)»³.

Риску добавит 4-е требование: описания коммуникации с разных сторон должны дополнять друг друга, а для этого представители позиций, выделяющих различные

3

В презентации В. Донсбаха выдвигались и другие методологические требования – в частности, о необходимости строить динамические модели (например, циклические или спиральные), а также использовать многоуровневые системы переменных, в том числе «переменных, означающих другие переменные» (variables behind variables). Но эти требования вполне укладываются в рамки методологии естественных наук.

аспекты коммуникации и стоящих на разных основаниях, должны сами вступать в коммуникацию друг с другом (Роберт Крейг говорил здесь о «коммуникации знаний»).

Методология естественных наук имеет общепризнанный образец, наиболее полно воплощающий ее наиболее существенные характеристики. Это — физика. По поводу методологии социальных наук у нас нет точки зрения на ее образец, которая была бы такой же общепризнанной. Вольфганг Донсбах в качестве примера практического знания приводил медицину. Моя гипотеза заключается в том, что подходящим образцом является юриспруденция.

В качестве пояснения напомним, как звучал термин «практическое знание» на древнегреческом и латинском языках. Аристотель — вслед за Парменидом и Платоном — называл теоретическое знание «эпистеме», от этого слова происходит современный термин «эпистемология». А для практического знания Аристотель предложил термин «фронеzis», который римляне перевели как *prudencia*, откуда и возник термин «юриспруденция». Через две тысячи лет после этого Иммануил Кант, различая чистый и практический разум, называл право «первой дисциплиной практического разума».

Как же юриспруденция удовлетворяет заданным нами 4-м требованиям? По поводу первых двух из них это достаточно очевидно: юриспруденция — это практическая дисциплина, совмещающая нормативную и понимающую функции. Например, осуществляя правоприменение, мы должны сначала понять смысл казуса и лишь затем квалифицировать его, подводя под соответствующую правовую норму.

Соответствие третьему требованию нетрудно показать с помощью истории правовых учений, выделяющей различные школы права или разные направления правопонимания, основными из которых считаются естественное право, нормативизм, а также правовой реализм или социологическая юриспруденция. При этом все три направления правопонимания используют такие основополагающие категории юридического мышления, как правовая норма, правоотношение и правосознание, но придают им разное значение. Так, нормативизм в качестве онтологической использует категорию «правовая норма», рассматривая две остальных в качестве вспомогательных. Для правового реализма онтологической категорией является правоотношение, а для естественного права — правосознание.

Таким образом, три основных направления правопонимания стоят на разных основаниях. Но благодаря использованию одних и тех же категорий юридического мышления у них существует общий язык. А значит, между ними возможна коммуникация. Тем самым выполняются 3-е и 4-е требования. В контексте вопроса о методологической специфике коммуникативных исследований ценность юриспруденции заключается в том, что она задает нам простой и наглядный методологический образец.

Конечно, коммуникативистика сейчас устроена сложнее. Насколько я понимаю, Роберт Крейг провел в отношении нее работу по определению ключевых парадигм, сходную с той, которую по отношению к юриспруденции осуществила история правовых учений. То, что ключевых парадигм оказалось не три, а восемь, как раз и говорит о сложности поля. Но суть ситуации от этого не меняется. Вопрос лишь в том, осуществляется ли между представителями этих парадигм коммуникация, и насколько такая коммуникация обеспечивает взаимодополнительность парадигм и «всесторонность» рассмотрения.

На мой взгляд, от этого существенно зависит ответ на 4-й вопрос нашей дискуссии — о проблеме истины в современных коммуникативных исследованиях: если истина одна, как в классической методологии естественных наук, тогда каждая из восьми парадигм должна претендовать на обладание истиной, обвиняя остальных в «ереси», что сильно затрудняет коммуникацию. Альтернативным вариантом являет-

ся признание за каждой из парадигм «зерна истины» при запрете претензий на монопольное обладание истиной.

От выбора между этими двумя вариантами, в свою очередь, зависит ответ на 5-й вопрос нашей дискуссии — о проблеме диалога и сотрудничества между представителями разных методологических подходов в современных коммуникативных исследованиях и о том, есть ли смысл договариваться. Ответ на этот вопрос в значительной степени определяет ответы и на остальные вопросы, поставленные перед нашей дискуссией: о роли постмодернизма и конструктивизма, об универсальных понятиях и общем языке.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ КОММУНИКАЦИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

COMING BACK TO COMMUNICATION AS SCIENCE

[КРЕЙГ] Я только хотел кратко ответить на комментарий профессора Донсбаха о коммуникации как научной дисциплине (the discipline as a science).

Я полностью подписываюсь под той эмпирической работой, которую вы делаете, но я не могу принять идею о том, что коммуникация как дисциплина должна быть сведена к вопросу об объективной истинности и ложности эмпирических утверждений. Я думаю, что такой взгляд на дисциплину исключает из определения дисциплины многое из того, что является центральным для нашей работы.

Так, например, обстоит дело с политической коммуникацией. Вопрос о том, какой должна быть роль журналистики в обществе, как журналистские практики могут лучше всего служить демократическим нормам, имеет эмпирический аспект, но он также имеет и нормативный аспект. Что составляет демократически легитимную коммуникацию? Это вопросы ценности и нормы, а не вопросы эмпирики.

Или если вернуться к очень приземленному вопросу, который я поднял в моем пленарном докладе и с которым мы в некоторой степени боролись всю конференцию: организации научных конференций внутренне присуще некоторое напряжение и противостояние между требованиями регламента и расписания, управления временем, чтобы, с одной стороны, у каждого была возможность поучаствовать — и, с другой стороны, есть не менее важная ценность самовыражения, возможности высказать в полном объеме все, что хочешь сказать. Эти ценности находятся в конфликте. И в зависимости от того, какую из них вы оцениваете как более весомую, конференция может быть проведена либо в рамках очень плотного расписания, либо она все время будет затягиваться и нарушать график работы, со всеми вытекающими из этого проблемами.

Я думаю, что здесь есть эмпирические вопросы. К примеру, можно задать вопрос: какие способы и практики, скажем, модерирования секций позволяют лучше организовать время конференции? Но мне представляется, что более фундаментальным здесь является нормативный вопрос. Я имею в виду вопрос о том, что действительно важно в научной дискуссии? Как мы находим баланс между этими двумя ценностями? И я не думаю, что мы должны отдавать эти нормативные вопросы на откуп другим дисциплинам, говоря при этом: «Ну, это для философской дискуссии» или «Это для обсуждения политологов» или «Это вопрос разных культур, и, вы знаете, россияне делают это так, а немцы по-другому, и тут не о чем спорить». Но я думаю, это вопросы, которыми мы должны заниматься, и в рамках коммуникативной теории мы

ими занимаемся. Это часть нашей дисциплины. На мой взгляд, это сущность нашей дисциплины, и эмпирическая работа очень важна, но она подчинена этой фундаментальной задаче. Это позиция, которой я придерживаюсь.

[ДОНСБАХ] У меня три замечания, три пункта.

Первое, я намеренно провоцирую, и я, кстати, не говорил — хотя Вы (*Крейгу*) так это интерпретировали — что нужно передать кому-то еще остальные функции академической науки. Это не то, что я имел в виду.

Второе — что я собственно имел в виду: когда дело доходит до оценки реальности фактов, тогда, я думаю, нам приходится использовать этот эмпирический, или научный подход, научную эпистемологию, чтобы получить такую оценку, потому что иначе мы не сможем различить, где истинная (реалистическая) и где ложная оценка реальности.

И я думаю — и это мой третий пункт, — что нам приходится иметь дело с разными представлениями о теории. Кажется, это был Курт Левин, психолог, который сказал: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Что это значит? Теория — это то, что развивается на основе эмпирических исследований и соединяет разные переменные друг с другом, так что в конце у нас есть связанная и понятная система причинных связей. Это и есть теория, в этом ее смысл.

Но когда вы используете теорию, вы вступаете в нормативный мир. И я с этим полностью согласен, потому что я сам занимаюсь этим же делом, пытаюсь понять, какое мировосприятие является лучшим для журналистов. Это вопрос о нормах, и его можно развивать на основе конституций или на основе демократической теории, и это то, что я тоже делаю. И в этом состоит легитимизирующая роль научных исследователей, я этого не отрицаю. Что я отрицаю — так это то, что когда доходит до оценок выбранных фактов, поведения людей или развития условий, тут мы должны стоять на твердых основаниях, чтобы увидеть, что мы нашли, и исходя из этого решить — как это перевести в наше видение более совершенного мира, в наше видение более совершенной демократии. Тогда это становится нормативным вопросом, потому что здесь тоже есть разделение... Есть разные люди, разные политические системы, и это то, что можно обсуждать, так или иначе, но вы не можете оспаривать сам набор переменных в исследуемых отношениях.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ И ИСТИННОСТИ В КОММУНИКАЦИИ

ADDRESSING THE ISSUE OF TRUTH IN COMMUNICATION

[ГРЕЧКО] Да, я хотел высказаться относительно истины, истинности... Понимание истины как ориентации на объект, как соответствия мысли своему предмету к коммуникации, скорее всего, не подходит. Но что тогда взамен — релевантность, адекватность, адаптивность? Особенно мне не нравится адаптивность или приспособляемость. Теория эволюции говорит нам, что самыми приспособленными оказались лишайники и тараканы... Тараканами в коммуникации точно не хотелось бы быть. К коммуникации, на мой взгляд, тоже нужно подходить коммуникативно. Возможен даже такой критерий: *успешная* (а значит — выходящая на взаимопонимание) коммуникация между различными коммуникациями. Это может быть критерием их, этих различных коммуникаций, состоятельности. Вступить в коммуникации, что очевидно, могут как ком-

муникативные практики (тогда это онтология), так и коммуникативные теории (тогда это эпистемология). И состоятельность поэтому может быть как онтологической, так и эпистемологической. Ну а саму состоятельность допустимо трактовать в терминах мягкой (soft) истинности. Но поскольку мы живем, как удачно выразился З. Бауман, в мире *melting solids* — «плавящихся твердых», то в рассматриваемую состоятельность нужно, видимо, внести дух агонистики, то есть соревновательности, конкуренции, который объясняет, почему побеждают наиболее убедительные или сильнейшие и почему вообще появляются лидеры.

[МАРАЧА] Я полагаю, что четвертый и пятый вопросы — про истину и про коммуникации, — как уже отметил Петр Кондратьевич [Гречко], очень тесно связаны между собой. Я хотел бы поддержать его тезис. Именно в этом был смысл моего примера с юриспруденцией. Это пример «зрелой» дисциплины (в том смысле, как об этом говорил В. Донсбах), где кристаллизовались три-четыре точки зрения, которые находятся в рефлексивном равновесии между собой, и ни одна из них не претендует на абсолютную истину.

Другим примером, но уже не зрелой, а развивающейся дисциплины, является *systems field*, системное поле. В коммуникативистике Роберт Крейг выделяет, по-моему, 8 парадигм, в системном подходе насчитывается 10-15 основных системных методологий/парадигм. Но при этом большинство из них находится в состоянии коммуникации между собой, причем со взаимной рефлексией оснований каждой из позиций. Мне кажется, что коммуникативистике — вне зависимости от количества парадигм — нужно заботиться именно об этом состоянии. В каком-то смысле его достижение является критерием состоятельности претензий коммуникативистики на статус научной дисциплины.

[РАЦ] Истина и ложь — это очень важно для науки, особенно если она строится на манер естествознания. Но одно дело — наука, в нашем случае о коммуникации, а совсем другое — сама коммуникация, предмет науки. (Это аналогично отношению политологии и политики, культурологии и культуры и т.п.) Я думаю, что для коммуникации и сферы коммуникации гораздо важнее другая оппозиция: ложь и правда. Истина устанавливается в мышлении, а в коммуникации непосредственно фиксируется именно ложь и правда. Та самая правда, которую восстанавливал в правах Мишель Фуко, ссылаясь на античность, когда говорил о «паррессии». Вот, правда и еще раз правда.

Вообще (и в особенности для нас в России) это, по-моему, гораздо актуальнее, чем научная истина. И не только по причинам политического, т.е. заведомо преходящего характера, но и потому, что различие правды и истины относится, по Ю.С. Степанову, к «константам» русской культуры: «Истина для всех одна, а правда у каждого своя». Неслучайно во многих других европейских языках для этой нашей «пары» нет эквивалента.

[ГРЕЧКО] Я еще раз сформулирую свой критерий. *Успешная коммуникация* между различными коммуникациями является критерием истинности, состоятельности этих различных коммуникаций.

[МАТЬЯШ] Кстати говоря, наш Круглый стол дает прекрасную возможность проверить на деле этот критерий. У нас здесь и сейчас разворачивается эта самая «координация смыслов», соотнесение и столкновение, в некотором роде, проверка на прочность разных точек зрения, разных пониманий. Каков будет результат, что мы произведем и насколько успешно?..

К ВОПРОСУ О «ПРАКТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

ADDRESSING THE ISSUE OF PRACTICAL THEORY

[ГРЕЧКО] Я немного еще скажу о «практической теории», как и было заявлено в программе. Вообще о практической теории, практичности теории применительно к России говорить непросто. Здесь нужно ставить вопрос о практико-теоретической континуальности истории, о том, что теория и практика просто обязаны идти навстречу друг другу. Каждая из сторон должна пройти свой отрезок пути. Без этого ничего путного получиться не может.

Но главное, почему «непросто». Россия очень специфическая страна. Идеологическая эволюция человечества для нее не закончилась, красивые слова и великие идеи ее просто зачаровывают. Если другие страны и народы занимаются «расколдовыванием мира» (термин М. Вебера), то Россия, напротив, старается его заколдовать. И понятно чем — словами. Россия не просто «страна слова» (В. Бондаренко), но и «слов» (П.Л. Вайль и А.А. Генис).

Вообще практичность может выражаться в различных формах и на разных уровнях. Практичным может быть миф, живой миф, еще не ставший сказкой. Позитивно-практичной может быть и идеология — пока она еще молода и легко изъясняется на бинарном языке «темного прошлого» и «светлого будущего». Разумеется, практичной может и должна быть теория. Но с ней сложнее. Практичной, или практически востребованной, она становится только в современном (*modern*) обществе. Является ли Россия *modern*, каждый волен судить сам. Но вот информация к размышлению: «умом Россию не понять», в ней «горе от ума», россияне многое делают «по понятиям», а не по правилам. Мой ответ такой: теория коммуникации по-настоящему у нас не востребована, в массе своей люди общаются еще дедовскими способами. Кстати, кое-где в мире на дворе уже и *postmodern*.

Но почему я все-таки с энтузиазмом говорю о коммуникации, настаиваю на ее перспективности и необходимости? Дело в том, что мы уже затянуты в воронку глобализации, что анклавы, очаги и площадки модернизации у нас все-таки есть. И один из убедительных подтверждений тому — сама ВШЭ или «Вышка», как ее более привычно называют в народе.

P.S. Я понимаю, что не всем понравятся мои теоретические выкладки. А люди со старой чувствительностью наверняка услышат даже что-то «подрывное». Ну что ж, это только подтвердит (да что стесняться — уже подтверждает) справедливость давней (1952) эпиграммы Ю.Н. Благова: «Нам, товарищи, нужны // Подобрее Щедрины // И такие Гоголи, // Чтобы нас не трогали».

[МАТЬЯШ] Спасибо, Петр Кондратьевич! Думаю, если применять подход, который Вы проповедуете — проверить коммуникацию на успешность — то мы эту задачу на нашем Круглом столе, нашем философско-методологическом обмене мнениями выполнили. Мы создали, показали столкновение позиций и, надеюсь, задали дальнейшее движение мысли.

Мне кажется, аудитория сейчас просто взорвется, реагируя на это столкновение позиций. Поэтому сейчас переходим к выступлениям из зала.

[РЕУТ] Предлагаю в нашем обсуждении использовать кроме слов еще и графические символы. Здесь уместна опора на разработки Г.П. Щедровицкого Хочу предложить одну схему.

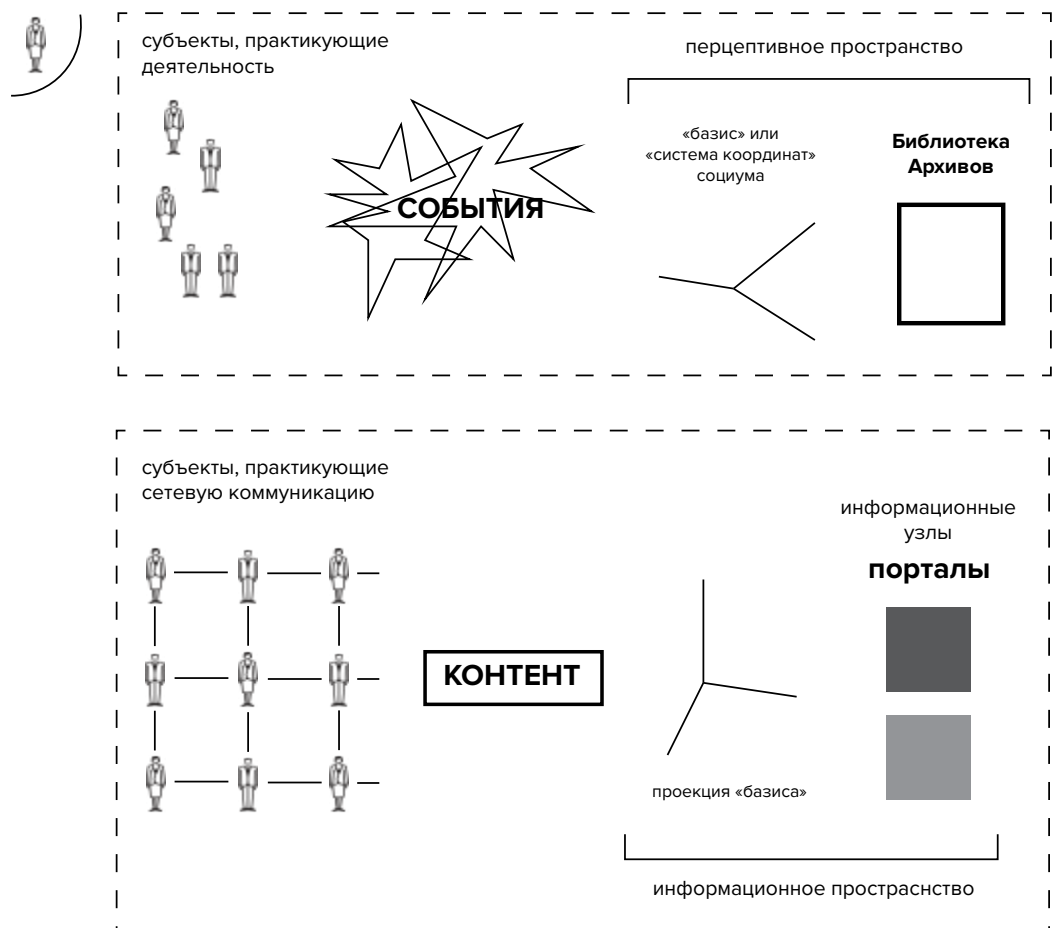
Пространство, в котором существует коммуникация, можно представить состоящим из двух слоев: 1) перцептивное пространство и 2) информационное пространство (см. рисунок). Перцептивная реальность воспринимается нашими органами

чувств в данный момент без посредства каналов массовой информации и коммуникации. А информационная реальность воспринимается через упомянутые каналы. Эти реальности непрерывно меняют друг друга. События перцептивного пространства отображаются в виде контента и других организованностей в информационном пространстве. А информационные «вбросы» провоцируют изменения в перцептивном пространстве. Взаимодействия слоев 1 и 2 таковы, что происходит непрерывное изменение значений событий. Значения дрейфуют быстрее, чем мы успеваем осознать причины изменений. Возможно, пора переходить от установки типа «Что бы нам с этим сделать?» к установке «Ой! Что это Оно делает с нами?»

Для изучения феномена предлагается наметить некий «базис» в перцептивном пространстве и отслеживать динамику его взаимодействия с собственным отражением в коммуникативном пространстве. Сопоставление базисов в их динамике задает «топологию» пространства современности, включающего слои 1 и 2, и благодаря этому уподобляющегося «Зоне» из повести Стругацких «Пикник на обочине». Так появляется средство навигации в этом пространстве, упомянутое С. Клягиным.

[МАТЬЯШ] Хорошо, спасибо. Еще один методологический акцент у...? (обращается к слушательнице, активно сигнализирующей, чтобы ей дали слово)

[ЦОЙ] Любовь Цой.

Первый тезис. Я бы хотела, чтобы аудитория удерживала один конфликт, который развернулся здесь-и-сейчас. На мой взгляд, именно в этом конфликте может рождаться наука о коммуникации. С одной стороны, если мы претендуем на то, чтобы коммуникативистика была наукой, нужно относиться к «науке» как к понятию. Это строго объективное понятие. Об этом четко сказал Сергей Клягин. С другой стороны, мы хотим размыть это понятие, соотнося теорию и практику. Мы же посягаем на то, чтобы погрузить науку в эмпирическую практику.

Второй тезис. Мы с вами знаем работу В.С. Степина «Теоретическое знание», согласно которой существуют этапы развития науки: классический, неклассический, постнеклассический. И к чему мы сейчас подошли? Мы говорим о том, что если логика развития наук до сих пор была такова, то сегодня мы можем зафиксировать некоторый кризис, потому что в контексте деятельностного подхода появляется другая логика. Опасность, к которой мы подошли, заключается в том, что мы создаем факты. Мы исходные факты переворачиваем, свою интерпретацию даем как факты, а созданные таким путем факты интерпретируем как истину. И это очень опасно. Смысл коммуникативистики — именно в том, чтобы мы сегодня различали интерпретации и истину. А без науки как мы можем различить эти вещи?

[МАТЬЯШ] Спасибо. Вот у нас стойкий адвокат науки. Мы так поняли, со ссылкой на Степина.

[МАРАЧА] Уважаемые коллеги! Прежде чем передать слово следующему выступающему от публики, я хотел бы обратить внимание, что наша дискуссия имеет рамки, заданные шестью вопросами, вынесенными на обсуждение. И участники, сидящие за круглым столом, при всей разнице позиций все-таки коммуницировали в этих рамках. Поэтому у меня просьба — придерживаться тех же правил игры.

[ЖУКОВА] Большое спасибо. Елена Жукова, Российский государственный гуманитарный университет. Мне кажется, если мы начинаем спорить о науке, нам полезно учитывать концепцию Степина. Вольфганг Донсбах, например, в этом смысле говорит с позиции классической науки, классической научной рациональности. А если мы посмотрим с позиций неклассической научной рациональности, мы сможем понять, что говорит Сергей Клягин.

В.С. Степин полагает также, что существует постнеклассическая научная рациональность. То есть, существует постмодернизм, некое разнообразие. Мы не становимся от этого шарлатанами и клоунами. Просто наука действительно разнообразна. Дело в том, что и в социологии, и в политологии, и в психологии есть много различных течений. Это не мешает им быть научными. Есть много интерпретаций и много непонятных понятий. Но это тоже не мешает социологии, политологии и психологии быть науками.

Я думаю, что в русском языке для таких случаев мы можем отказаться от понятия «наука» и говорить, например, о синтетической области научного знания, не снижая ее «научный» статус. В английском языке происходит, мне кажется, та же самая ситуация. Там есть понятия «social sciences» и «political sciences», но нет понятия «communication sciences», а есть понятие «communication studies». Мне кажется, это обозначает некий прикладной характер теории коммуникации, но это не снижает ее статус. Как медицина опирается на биологию и химию, так политология опирается на социологию и психологию. Это не снижает статус медицины и политологии. Коммуникация опирается в какой-то степени на любые дисциплины. Мне кажется, это не снижает ее статус.

Я сама говорю от лица человека, который занимается коммуникативными проблемами с 1998-го года. Мне все-таки кажется, что за это время я уже «вжи-

лась» в мысль о том, что есть некая прикладная или синтетическая область научного знания — теория коммуникации, и что не нужно говорить, что мы не должны ее иметь.

Я приведу один практический аргумент. Если бы у нас сейчас не было нашей конференции, то мы бы не говорили о коммуникативной науке. Например, у нас был бы социологический конгресс и секция социологии коммуникации, где мы бы рассматривали социальные коммуникации. Или у нас был бы психологический конгресс, секция психологии коммуникации, и мы бы рассматривали психологические аспекты коммуникации. Была бы конференция по журналистике — обсуждали бы журналистские проблемы. Был бы конгресс по политологии — мы обсуждали бы проблемы политической коммуникации. И мы никогда бы не собрались вместе.

А собрались мы все вместе именно потому, что нам нужно объяснить, интерпретировать область коммуникации. Именно поэтому возникает объект исследования — коммуникация. Именно поэтому мы начинаем пытаться выработать свои специфические методы, ставим свои специфические проблемы. Именно поэтому мы нуждаемся в такой области научного знания, как коммуникация. Спасибо.

[МАТЬЯШ] Спасибо большое, Елена. Я думаю, что на этой объединяющей и позитивной ноте мы должны будем завершить нашу очень живо проходящую дискуссию. Время нашей программы, к сожалению, закончилось. Большая благодарность за участие в нашей дискуссии всем участникам Круглого стола! Ждем продолжения дискуссии в неформальном режиме!

Transcript of roundtable discussion as part of International Research Conference «Communication as a discipline and as a field: Sharing experiences to construct a dialogue» (July 9–11, 2015)

KEYWORDS:

communication theory, practical theory, communication studies, communication practices, communication research

ABSTRACT: We are pleased to present the full russian transcript of the round table, that took place during the conference «Communication as a discipline and as a field: sharing experiences to construct a dialogue» (9–11th July 2015, HSE, Moscow).

The following topics were discussed:

- Differences and similarities between the methodology of natural science and social science and humanities (in the context of communication inquiry)
- Postmodernism and constructivism/social constructionism: influence and implications for communication research
- Are there «conceptual foundations» in communication research? the issue of universal concepts and their construction in modern communication theory
- Communication as science: the issue of truth in modern communication inquiry
- Practical value of communication research: communication knowledge. for whom and for what?
- Toward dialogue and collaboration between different perspectives and traditions in communication: what is gained by talking to each other?
- Addressing the issue of truth in communication
- Addressing the issue of practical theory